

М. В. Строганов

ПУШКИН И КАТЕНИН. К ИСТОРИИ СТИХОТВОРЕНИЯ «АНЧАР»

The article shows the interrelation of all Pushkin's poetical works written in Staritsa in the autumn of 1828 and the connection between them and P.A. Katenin's poem «Old true story». Broad cultural and historical background enables to make more precise comments on this cycle of «replies to Katenin».

Key words: Pushkin, Katenin, poet and society, decembrists, polemics.

В ночь с 19 на 20 октября 1828 г., после празднования лицейской годовщины, взяв подорожную до Торжка, Пушкин выехал из Петербурга в Малинники¹. Прибыв в Торжок 22 или 23 октября, он, очевидно, ночует там, и 23 или 24 октября уже приезжает в Малинники². 27 октября написано посвящение к «Полтаве»³ (V, 511) и письмо к А. Н. Вульфу (XIV, 33). К 4 ноября, продолжая интенсивно работать, Пушкин заканчивает 7 главу «Евгения Онегина» (VI, 618)⁴. 9 ноября за-

¹ См.: Пушкин А. С. Письма / Под ред. Б. Л. Модзалевского. М.; Л.: ГИЗ, 1928. Т. II. С. 311, примечания.

² В. Б. Сандомирская (Рабочая тетрадь Пушкина 1828–1833 гг. (ПД № 838). (История заполнения) // Пушкин. Исследования и материалы. Л.: Наука, 1982. Т. X. С. 256) полагает, что Пушкин приехал в Малинники 22 или 23 октября. Но едва ли это произошло 22 октября, так как Пушкин в Торжке обычно ночевал.

³ Здесь и далее ссылки на сочинения Пушкина даны по изд.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. [Л.]: Изд-во АН СССР, 1937–1958 – с указанием тома и страницы в скобках.

⁴ Судя по воспоминаниям А. И. Понафидиной, Пушкин работал над 7-й главой «Евгения Онегина» в Курово-Покровском, рядом же с датой окончания главы стоит помета в рукописи: Малинники. Однако к 3 ноября относится записка Пушкина к П. А. Осиповой, где читаем: «Тысяча благодарностей, сударыня, за внимание, которым вы удостоиваете вашего преданного слугу. Я бы непременно пришёл к вам, но ночь внезапно застала меня среди моих мечтаний. Здоровье моё удовлетворительно, насколько это возможно.

Итак, до завтра, сударыня, и благоволите ещё раз принять мою нежную благодарность» (XIV, 391; франц. оригинал – там же. С. 33). Обычно считают, что записка эта написана из Малинников в Тригорское (XIV, 33; Пушкин А. С. Собрание сочинений: В 10 т. М.: Художественная литература, 1977. Т. 9. С. 269) – вещь невероятная не только по дальности расстояния, которое нельзя преодолеть за одну ночь, но и потому, что П. А. Осипова в это время сама принимала в Малинниках Пушкина. В последнее время высказано предположение, что записка написана из одной комнаты малинниковского дома в другую (Кашкова В. Ф. «Я к вам пишу...»: Тверские мотивы в переписке А. С. Пушкина. Калинин: Московский рабочий, 1987. С. 58–62) – вещь также невероятная, но теперь уже по своей невежливости в обращении с дамой, хозяйкой дома.

вершён «Анчар» – предмет очень тяжёлой и напряжённой работы (III, 701), а 10 ноября – «Ответ Катенину» (там же). В это же время, до середины ноября, Пушкин активно посещает Павла Ивановича Вульфа и поместья других соседей, те – в свою очередь – постоянно ездят в Малинники: «Соседи ездят смотреть на меня, как на собаку Мунито» (XIV, 34). Кроме того, между 23 октября и 4 ноября написаны черновики стихотворений «В прохладе сладостной фонтанов...», «Поэт и чернь»¹. В письме к А. А. Дельвигу от середины ноября Пушкин жалуется, что никак не может закончить стихотворный ответ Готовцевой, но в письме от 26 ноября к тому же адресату он высылает этот ответ (XIV, 34; 35). В том же письме Пушкин пишет, что «деревенскую жизнь очень любит»: «...я езжу по пороше, [до] играю в вист по 8 гривн роберт – [сентиментальничаю] и таким образом прилепляюсь к прелестям добродетели и гнушаюсь сетей порока...» (XIV, 35–36). 4 или 5 декабря Пушкин выехал из Малинников в Москву, куда прибыл 6 декабря².

Итак, между 23 октября и 10 ноября написаны «Анчар», «Ответ Катенину», «В прохладе сладостной фонтанов...» и «Поэт и чернь». Все эти произведения можно рассматривать и обычно рассматриваются как вполне самостоятельные замыслы. Между тем более чем естественно было бы предположить, что между ними существует какая-то определённая связь. Дело, во-первых, в том, что у любого человека мысли всегда связаны друг с другом, и их непрерывная связь отражается в создаваемых текстах. А во-вторых, дело, как мне представляется, в том, что все эти тексты объединяет напряжённая полемика А. С. Пушкина с П. А. Катениным. Вот эту-то «некую связь» этих текстов между собой и с темой Катенина я и попытаюсь раскрыть в данной работе³.

1.

Вторая половина 1828 г. проходит у А. С. Пушкина в мучительных раздумьях над ответом на стихотворение П. А. Катенина «Старая

Очевидно, в силу свидетельства А. И. Понафидиной, записку следует считать отправленной из Курово-Покровского в Малинники: тогда совпадут и даты, и расстояния.

¹ Сандомирская В. Б. Рабочая тетрадь Пушкина 1828–1833 гг. С. 257.

² Цявловский М. А. Пушкин по документам Погодинского архива // Пушкин и его современники. Пг., 1916. Вып. XIX–XX. С. 91.

³ Общую характеристику настроения Пушкина в 1828 г. и его отношения с Катениным в это время очень точно описала В. Ф. Кашкова, хотя в её работе и не введено принципиально нового материала: Кашкова В. Ф. Берега нашей памяти: Размышления над страницами Тверской лирической Пушкинианы. Тверь: Тверское областное книжное изд-во, 1999. С. 12–62.

быль», в котором справедливо видят укор Пушкину за политическое отступничество¹. Между тем, исследователи ещё не обращали внимание на то, что уже в ноябре 1827 – феврале 1828 г. Пушкин написал послание «Друзьям», которое тут же отправил на просмотр императору. В этом послании Пушкин писал:

Нет, я не льстец, когда царю
Хвалу свободную слагаю:
Я смело чувства выражаю,
Языком сердца говорю.
<.....>
Я льстец! Нет, братья, льстец лукав
<.....>
Он скажет: презирай народ,
Глуши природы голос нежный,
Он скажет: просвещения плод –
Разврат и некий дух мятежный!
(III, 89–90).

Однако радость Пушкина была преждевременной. 5 марта 1828 г. А. Х. Бенкендорф извещал Пушкина, что «его величество совершенно доволен им, но не желает, чтобы оно было напечатано» (XIV, 6). А 27 марта Пушкин получил «Старую быль» – язвительную критику Катенина по поводу стихотворения «Стансы»: Катенин послание «Друзьям» к моменту создания «Старой были» не знал и упрекал Пушкина, который не мог ответить ему адекватно. Поэтому он искал возможность ответить Катенину с 27 марта по конец октября 1828 г. Но прежде, чем мы займёмся этими поисками, обратим внимание на фразеологию стихотворения «Друзья».

Стих «Языком сердца говорю» восходит к стихотворению Г. Р. Державина «Лебедь» (1804), где Державин пишет, что потомки будут говорить о нём:

Вот тот летит, что, строя лиру,
Языком сердца говорил,
И, проповедуя мир миру,
Себя всех счастьем одарил².

¹ Тынянов Ю. Н. Архаисты и Пушкин // Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М.: Наука, 1969; Благой Д. Д. Творческий путь Пушкина (1826–1830). М.: Советский писатель, 1967. С. 188–193.

² Державин Г. Р. Стихотворения / Вступит. статья, подгот. текста и общая редакция Д. Д. Благого. Л.: Советский писатель, 1957. С. 304 (Библиотека поэта. Большая серия).

А стих «Глуши природы голос нежный» находит прямую параллель в переводе «Сида» Корнеля, который был сделан самим Катениным и где Химена говорит дону Родригу:

Я в сердце заглушу сей страсти голос нежный.
Я покорюсь, как ты, судьбине неизбежной.
Ты, погубив меня, хвалу мою снискал;
Я в гибели твоей ищу твоих похвал¹.

Химена готова заглушить «страсти голос нежный» во имя чувства долга. Пушкин считает, что искренний человек должен руководиться именно им – «природы голосом нежным».

Вспомним, однако, что фразеология «Сида» рождалась в рамках неоклассицистской трагедии, культивировавшейся в кружке А. Н. Оленина, ценности которой определялись не должным по закону, но желаемым по чувству. Так появляются произведения, где главным героем становится женщина как более свободный от социальных институтов член общества, нежели мужчина. Причём обычно это – женщина-мать, переживающая либо разлуку, либо потерю своего ребёнка. Так, в трагедиях С. Н. Марина «Меропа» (пер. из Вольтера, 1811) и «Медея» (пер. из Ложпьера, 1 акт был написан Мариным совместно, очевидно, с В. А. Озеровым) речь идёт не о первенстве чувства над долгом, но о чувстве как регуляторе должного в естественном праве. «Голос природы» ставится общим местом всех ключевых монологов. В этом отношении весьма показательны слова заглавной героини Меропы:

О мщенье, любовь, о долг! Природы глас!
Что сердцу матери внушите вы в сей час?²

В «Поликсене», трагедии другого активного участника оленинского кружка В. А. Озерова, заглавная героиня напоминает Гекубе о сыне последней – Парисе:

Не ты ль единожды, оракулу внимав,
К спасению страны скрепила нежный нрав
И, в сердце заглушив умильный глас природы,
Париса <во его> младенческие годы
На смерть пустынную извергла в недра гор? (д. 2, явл. 1),

Сравним эти реплики с аналогичными репликами Ярополка из трагедии Озерова «Ярополк и Олег» (1796). Здесь герой, рассуждая о том, что убивать брата противно законам природы, говорит:

Мой слабый ум ещё сражён предрассуждением.

¹ Катенин П. А. Избранные произведения. М.; Л.: Советский писатель, 1965. С. 559 (Библиотека поэта. Большая серия).

² Летописи гос. лит. музея. Кн. 10. Марин С. Н. (1776–1813). Полн. собр. соч. М.: Гос. лит. музей, 1948. С. 228.

Привычка ль робкая, или природы глас

Мне вопиет: злодей, чего ты ждёшь в сей час? (д. 5, явл. 1).

Приведём ещё ряд примеров – из стихов, созданных за пределами оленинского кружка. Например, стихотворение И. И. Дмитриева «Плач матери <к сыну>» (1791):

Нежной страсти плод любезный,
Научись со мной страдать!
Рок судил нам в жизни слезной
Дней счастливых не видать¹.

Или приписываемая А. С. Грибоедову «Ода на поединки» (1809), где, в частности, сказано:

Тобой ли, страсти нежной чувство,
О сладость чистых душ, любовь!
Могло быть создано искусство
Пролить любезных сердцу кровь?
Ах, нет! То не твоё внушеньё!
То ревности одной стремленье,
То гнусной гордости удел!
Они, отраву в нас вливая,
В свирепство нежность претворяя,
Нас мчат на тьму злодейских дел².

Или стихотворение П. А. Плетнёва «Честь», в котором автор, выступая также против дуэлей, восклицает:

В чем ваша честь, в чём ваша слава,
Презренные рабы страстей?
Как? Зверская у вас забава –
С улыбкою лить кровь друзей,
Бесчестного пятна смовенье?
За лютость мздой у вас почтенье?
Когда злодей, готовясь в бой,
Природы голос заглушает
И нож бесстрашно вынимает –
Он рыцарь ваш, он ваш герой!³

¹ Дмитриев И. И. Полное собрание стихотворений. Л.: Советский писатель, 1967. С. 269 (Библиотека поэта. Большая серия).

² Грибоедов А. С. Сочинения. М.: Художественная литература, 1988. С. 377. О фразеологизме *нежная страсть* см. также: Поэтическая фразеология Пушкина. М.: Наука, 1969. С. 215.

³ Плетнёв П. А. Стихотворения. Тверь: Тверское областное книжно-журнальное изд-во, 1998. С. 71.

И ещё – в трагедии А. Н. Муравьёва «Митридат» (вторая пол. 1820-х гг.), где заглавный герой говорит:

Изменник вам не брат!
Он узы все расторг! И боги сокрушат
Преступную главу; – не признаю в нем сына, –
Меж ним и меж отцом – обширная пустыня,
И чувства нежные её не населят...¹

Дальнейшую судьбу этого «умильного гласа природы» мы и находим в споре Катенина и Пушкина. Мы видим, что изначально общая для всех литераторов разных направлений посылка раздвоилась: нежный голос природы по-прежнему руководит героем Пушкина, а Катенин и сам забыл о том, как он переоформлял текст Корнеля. Но Пушкин ещё до этого спора, в беловых рукописях первой главы «Евгения Онегина», писал:

Любви нас не природа учит,
А Сталь или Шатобриан.
Мы алчем жизнь узнать заране,
Мы узнаем её в романе
Мы все узнали, между тем
Не насладились ни чем –
Природы глас предупреждая
Мы только счастья вредим (VI, 546).

Итак, изначально следование «голосу природы» было общим местом для поэтической идеологической мысли начала XIX в., но потом сформировались две тенденции. Катенинская тенденция позабыла про свои увлечения молодости, а пушкинская выдвинула эти прошлые увлечения как оправдание своей современной позиции. Конечно, «природы глас предупреждая, мы только счастья вредим» означает обычную у Пушкина «преждевременную старость души». Но, с другой стороны, речь идёт о декабристской и недекабристской позициях.

Эту «преждевременную старость души» переживает и герой К. Ф. Рылеева. Однако у Пушкина она была основой для изображения современного человека как яркой личности с характерной для неё проблемой индивидуализма, у Рылеева же она является основой формирования образа поэта-«гражданина». «Природы голос нежный» заглушается и изгоняется как мешающий нормальному развитию гражданского подвига:

Любовь никак нейдёт на ум:
Увы! моя отчизна страждет, –

¹ Новое литературное обозрение. 1996. № 17. С. 27.

Душа в волненьи тяжких дум
Теперь одной свободы жаждет¹.

В этой ситуации «умильному гласу природы» места не находится; революционер должен презреть и забыть его. Рылеев меряет человека гражданином:

Будь человек для человека,
Будь гражданин для сограждан².

Что, казалось бы, оставалось ещё «революционного» в позднем творчестве Катенина, который резко восставал против пушкинских «Стансов»? Однако использованный Пушкиным ранний катенинский образ «умильного гласа природы» помогает нам определить тот собственно декабристский элемент, который был свойствен и ему, и многим другим, таким же образом ангажированным людям.

Разумеется, во всем важна мера. Но нельзя не заметить, что гневные вопросы Гекубы к Улиссу в «Поликсене» Озерова:

Но, гражданином быв, иль ты не человек?
Или желание угодным быть народу
Способно заглушить в душе твоей природу? (д. 3,
явл. 4) –

напоминают не рылеевскую (и катенинскую) позицию, а позицию Пушкина, который заявлял в черновиках «Евгения Онегина»: «Герой, будь прежде человек» (VI, 411). Эта идея закрепилась и в стихотворении Пушкина «Герой» (1830):

Оставь герою сердце! Что же
Он будет без него? Тиран (III, 253).

Пушкин мерил человека поверх гражданина и поэтому не был льстецом. Катенин продолжал мерить человека только гражданскими добродетелями и потому не мог согласиться с Пушкиным. Пушкину следовало отвечать.

В связи с этой фразеологией находится и противопоставление милости и правосудия, которое организует ряд текстов Пушкина 1826–1836 гг. «Милость к падшим» трактуется как основа поведения властителей в текстах от «Стансов» (1826) – через стихотворение «Друзьям» (1828) – поэму «Анжело» (1833) – стихотворение «Пир Петра Великого» (1835) – до стихотворения «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» (1836). Ключевым моментом в осмыслении этой оппозиции является письмо Пушкина к А. Х. Бенкендорфу от 7 февраля 1832 г. в ответ на запрос шефа жандармов, почему стихотворение «Анчар» было

¹ Рылеев К. Ф. Полное собрание стихотворений. Л.: Художественная литература, 1971. С. 101.

² Там же. С. 90.

опубликовано без царской цензуры. «Я всегда твёрдо был уверен, – писал Пушкин, – что высочайшая *милость*, коей неожиданно был я удостоен, не лишает меня и *права*, данного государем всем его подданным: печатать с дозволения цензуры» (XV, 10). Пушкин, разумеется, понимает, что никакой милости со стороны императора он не получил, но он умело пользуется принятыми законами, чтобы отвоевать хотя бы ещё один глоток свободы. Пушкинские герои столь же хорошо понимают это и столь же умело пользуются ситуацией. Маша Миронова недаром заявляет Екатерине II: «Я приехала просить милости, а не правосудия» (VIII, 372). А Петр Гринёв недаром говорит про Пугачёва: «...я нахожусь в его власти, и он волен поступать со мной, как ему будет угодно» (VIII, 349).

Все эти противопоставления стары как мир. Но Пушкин никогда и не стремился к новациям, он никогда и не был модернистом. Мы и интерпретировать его должны по законам его, а не нашей поэтики.

2

Среди стихов, созданных весной-осенью 1828 г. бесспорно катенинским является стихотворение «Ответ Катенину», написанное 10 ноября – вслед за стихотворением «Анчар». Послание Пушкина адресовано Катенину в ответ на его стихотворение «Старая быль» (1828), которое было сопровождено посылкой «А. С. Пушкину». Начинается оно такими стихами:

Напрасно, пламенный поэт,
Свой чудный кубок мне подносишь
И выпить за здоровье просишь:
Не пью, любезный мой сосед! (II, 318).

Последний стих здесь – давно установленная цитата из стихотворения Г. Р. Державина «Философы пьяный и трезвый» (1789), где Пьяный (тип эпикурейца) после каждой строфы-тезиса призывает:

Как пенится вино прекрасно!
Какой в нём запах, вкус и цвет!
Почто терять часы напрасно?
Нальём, любезный мой сосед! –

а Трезвый (носитель гораццианской золотой середины и умеренности) после своего каждого тезиса отвечает:

Пусть пенится вино прекрасно,
Пусть запах в нём хорош и цвет;
Не наливай ты мне напрасно:

Не пью, любезный мой сосед¹.

Пушкин в роли умеренного Трезвого философа даже в эти довольно зрелые годы трудно представим. Он не просто связывается в нашем бытовом сознании «с блядьми, вином и чубуками» (II, 77) – такое восприятие он во многом сам сознательно запрограммировал. Он создал в своих произведениях стройную типологию, основанную на том, что пьёт тот или иной герой², и эти бытовые характеристики явились открытием в литературной характерологии. Именно поэтому требуется объяснить, почему в своём послании к Катенину на призыв выпить он отвечает отказом. Ю. Н. Тынянов дано уже описал политический спор, отражённый в этих стихах, и верно указал, что спор эллина и русского певца в «Старой были» является аллегорией политических позиций Пушкина и самого Катенина в трактовке последнего. Скопцу эллину, воспевавшему царя, достались как победителю в награду конь и воинские доспехи, вовсе не нужные ему, а русскому певцу, отказавшемуся от соревнования, так как, по его собственным словам,

...петь о великих царях и князьях
Ума не достанет, ни силы³, –

кубок, из которого он тут же и выпил вместе с друзьями. В посылке Катенин говорит о судьбе этого кубка: он якобы достался по наследству настоящему поэту – Пушкину, но устроен он по принципу «напейся – не облейся»: из него, не облившись, могут пить только истинные поэты. Кокетничающий Катенин боится пить из этого кубка и предлагает Пушкину другой сосуд:

Надеждой ослеплён пустою,
Опасным не прельщусь питьём
И, в дело не входя с судьбою,
Останусь лучше при своём;
Налив, тебе подам я чашу,
Ты выпьешь, духом закипишь,
И тихую беседу нашу
Бейронским пенъем огласишь⁴.

¹ Державин Г. Р. Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1957. С. 130–132 (Библиотека поэта. Большая серия).

² Строганов М. В. «О разных кушаньях и пробках» (Что едят и пьют герои «Евгения Онегина») // История в лицах: Историко-культурный альманах. Череповец: Изд-во Череповецкого гос. пед. ин-та им. А. В. Луначарского, 1993. Вып. 1. С. 103–118; Он же. Вино; Вода (брусничная, яблочная) // Онегинская энциклопедия: В 2 т. М.: Русский путь, 1999. Т. 1. С. 184–186, 196.

³ Катенин П. А. Избранные произведения. С. 183.

⁴ Там же. С. 185.

Сам Катенин не пьёт из кубка поэтов – это ещё понятно: он кокетничает и скромничает. Но и Пушкина, у которого хранится этот кубок, он намерен поить из другой чаши, что даёт основания предположить, будто и в Пушкине он не видит истинного поэта.

Кажется, именно это и задело Пушкина. В «Старой были» Катенин несколько перемудрил и дал основания противоположных истолкований текста. Конечно, он, с одной стороны, довольно прозрачно намекал, что Пушкин, подобно эллину, воспеваает царей; однако, с другой стороны, именно Пушкину достался кубок – награда русского поэта, отказавшегося воспевать князя. Стало быть, аллегория могла быть прочтена не как обличение Пушкина, но как согласие с его позицией.

Другое дело – посылка. Здесь Катенин передёргивает факты вполне сознательно. Сначала он сам отказывается пить из кубка настоящих поэтов, а потом подносит вместо этого кубка – другую чашу, и подносит её Пушкину. И вот тогда Пушкин вспоминает спор двух державинских философов. Катенину отводится роль Пьяного; себе самому Пушкин выбирает роль Трезвого.

Вообще в конструкции державинского стихотворения герои поставлены в неравные условия. Пьяный трижды начинает полемику, и трижды Трезвый отвечает ему: «Не пью, любезный мой сосед!» Замыкающая текст реплика звучит всегда более авторитетно, нежели начинающая, уже по этому мы можем судить, что Державин отдаёт предпочтение умеренности и «золотой середине». Но с Пушкиным дело обстоит сложнее. Катенин, как мы уже цитировали, призывал Пушкина огласить их «тихую беседу Бейронским пеньем». Пушкин заключил своё коллочие послание следующими стихами:

Я сам служивый – мне домой
Пора убраться на покой.
Останься ты в строях Парнасса;
Пред делом кубок наливай
И лавр Корнеля или Тасса
Один с похмелья пожинай (III, 135).

Здесь Корнель и Тасс (любимые поэты Катенина-переводчика) – символы классицизма, как Бейрон в стихах Катенина – символ романтизма (вот почему таким оскорбительным оказался для Пушкина намёк Катенина на тех двух молодых романтиков, на которых следует проверить кубок «напейся – не облейся»). А, разозлившись, Пушкин предлагает Катенину остаться в строях Парнаса, который часто путали с горой Геликон, где находился источник Ипокрена – символ вдохновения. Все

поэты пьют из Ипокрены и напиваются до вдохновения¹. Об этом говорил ещё Гораций:

И как только Либер поэтов-безумцев к Сатирам и Фавнам причислил,

Стали с утра уж вином попахивать нежные музы².

В. К. Третьяковский (вслед за одой на сдачу Намюра Н. Буало) начинал свою «Оду торжественную о сдаче города Гданска» (1734) сравнением вдохновения и опьянения:

Кое странное пианство
К пению мой глас бодрит!
Вы, Парнасское убранство,
Музы! ум не вас ли зрит?³

Пушкин в качестве обычного человека не прочь был выпить, о чём неоднократно писал в стихах и прозе. Пушкин-поэт отказывается от привычных, тривиальных образов, заношенных со времён Горация. Вот ещё одна из причин его якобы странного ответа Катенину.

Вообще поднесение в качестве подарка какого-то кубка – дело весьма обычное. «Весной 1828 года, когда московские литераторы провожали уезжавшего в Петербург Мицкевича, за ужином, при поднесении серебряного кубка, И. Киреевскому первому пришлось произнести свои стихи в честь польского поэта»⁴. На этом серебряном кубке были выгравированы имена присутствовавших на ужине С. П. Шевырёва, Н. М. Рожалина, С. А. Соболевского, Н. А. Полевого, Е. А. Боратынского, П. В. и И. В. Киреевских, А. А. Елагина⁵. Стихи Киреевского о чудесных свойствах сего «Стакана», «зачарованного дружбы колдованьем», были вложены в кубок⁶. Итак, для Пушкина в 1828 г. поднесение кубка и всякого рода разговоры о кубках как даре поэту были весьма актуальны.

¹ Об исторических источниках этих представлений см.: Веселовский А. Н. Историческая поэтика / Ред., вступит. статья и примечания В. М. Жирмунского. Л.: Художественная литература, 1940. С. 339–342.

² Гораций. Собрание сочинений. СПб.: Студия биографика, 1993. С. 322. Подробнее см.: Строганов М. В. Ипокрена // Онегинская энциклопедия. Т. 1. С. 468.

³ Поэты XVIII века / Вступит. статья, подготовка текста Г. П. Макогоненко. Примечания и биографич. справки И. З. Сермана. – 3-е изд. – Л.: Советский писатель, 1958. Т. 1. С. 178 (Библиотека поэта. Малая серия).

⁴ Киреевский И. В. Полное собрание сочинений. М.: Типография П. Бахметева, 1861. Т. 1. С. 14.

⁵ Виноградов А. К. Мериме в письмах к Соболевскому. М.: Московское художественное издательство, 1928. С. 20.

⁶ Русский архив. 1874. Т. 2. С. 223; Виноградов А. К. Мериме в письмах к Соболевскому. С. 20.

В связи с данными фактами находится, видимо, и ещё одно стихотворение, которое ранее не включалось в круг возможных источников полемики Пушкина с Катениным. Дело в том, что соревнование двух поэтов-певцов – это традиционный сюжет для литературы периода рефлкторного традиционализма¹, когда сам принцип соревновательности организовывал литературный процесс. Огромный материал по этому поводу был собран А. Н. Веселовским в работе «Три главы из исторической поэтики» (1899), и с помощью этого материала А. Н. Веселовский обосновывал амёбейный характер поэгического творчества². Этот принцип соревновательности породил в ближайшей по времени к Пушкину европейской поэзии историческую элегию Ш. Мильвуа «Состязание Гомера и Гесиода», которую К. Н. Батюшков перевёл под названием «Гесиод и Омир – соперники» (1816–1817)³.

Сам Пушкин буквально за пять дней до получения письма Катенина со «Старой былью», 22 марта 1828 г., на этом же принципе соревновательности построил ещё одно стихотворение – послание «В. С. Филимонову при получении поэмы его “Дурацкий колпак”»⁴. Это несколько усложняет воссоздаваемую нами картину: получается, что Пушкин спорил в лице Катенина с какой-то общественной силой, границы которой мы не можем адекватно реконструировать.

Элегия Мильвуа породила множество подражаний. Так, например, в стихотворении Волкова «Два певца соперники» изображается пирующий князь Александр Ярославич (Невский) после победы над врагами у Невы. На его пире поёт «чета весёлая певцов»⁵. Громслав воспевае князя Святослава и его воинские подвиги, а Услад воспевае князя Владимира и принятие им христианства. Как видим, сопоставляются

¹ См. об этом: Аверинцев С. С. Введение: Древнегреческая поэтика и мировая литература // Поэтика древнегреческой литературы. М.: Наука, 1981. С. 4–5; Строганов М. В. Литературоведение как человековедение: Работы разных лет. Тверь: Золотая буква, 2002.

² Веселовский А. Н. Историческая поэтика. С. 258—259.

³ Французская элегия XVIII—XIX веков в переводах поэтов пушкинской поры / Сост. В. Э. Вацуру. М.: Радуга, 1989. С. 643.

⁴ Вацуру В. Э. Послание Пушкина к Филимонову // Вацуру В. Э. Записки комментатора. СПб.: Академический проект, 1994. С. 96–99.

⁵ Волков. Два Певца соперники // Дамский журнал. 1824. Ч. 6. № 7. Апрель. С. 18. Следует предположить, что среди многочисленных писателей Волковых автором данного стихотворения был Александр Абрамович Волков (1788 – не позднее 1845), который участвовал и в «Дамском журнале», и в более раннем издании П. И. Шаликова — журнале «Аглая» (Гришкина Н. Ю. Волков Александр Абрамович // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь / Гл. ред. П. А. Николаев. Т. 1: А–Г. М.: Советская энциклопедия, 1989. С. 463–464.

светские (можно было бы сказать – языческие) и духовные (можно было бы сказать – христианские) добродетели. В конце этого соревнования князь Александр восклицает:

Услад! ты одержал победу! –
Герой возвал к Певцу. – Прими сей кубок в дар!
Ты в наше сердце влил святой любви жар,
И сладким пением восхитил ты беседу¹.

3

В связи с тем, что мы уже сказали выше, следует заметить, что и ещё одно стихотворение, написанное осенью 1828 г. в Малинниках, также можно соотнести с именем Катенина. После разысканий Н. В. Измайлова² считается, что стихотворение Пушкина «В прохладе сладостной фонтанов...» обращено к Мицкевичу и что именно он имеется в виду в двух последних строфах:

Но ни один волшебник [милый],
Владелец умственных даров,
Не вымышлял с такою силой,
Так хитро сказок и стихов,

Как прозорливый <и> [крылатый]
Поэт той чудной стороны,
Где мужи грозны и косматы,
А жены гуриям равны.

Появление же в предыдущих строфах образа восточного поэта исследователя (вслед за Н. В. Измайловым) традиционно связывали с тематикой крымских сонетов Мицкевича:

В прохладе сладостной фонтанов
И стен, обрызганных кругом,
Поэт бывало тешил ханов
Стихов гремучим жемчугом.

На нити праздного веселья
Низал он хитрою <рукой>

¹ Там же. С. 22. Ср. также трагедию В. А. Жуковского «Орлеанская дева», в которой «властителю совластвует певец», и трагедию А. С. Хомякова «Димитрий Самозванец», в которой Марина Мнишек венчает заглавного героя венком как настоящего поэта (Фомичёв С. А. «Димитрий Самозванец» А. С. Хомякова как сценическая поэма // А. С. Хомяков. Проблемы биографии и творчества. Хмелитский сборник. Выпуск 5. Смоленск: СГПУ, 2002. С. 99, 100).

² Измайлов Н. В. Очерки творчества Пушкина. Л.: Наука, 1976. С. 125–173.

Прозрачной лести ожерелья
И чётки мудрости златой.

[Любили] Крым сыны Саади,
Порой восточный [краснобай]
Здесь развивал [свой] тетради
И удивлял Бахчисарай.

Его рассказы [расстилались],
Как эриванские ковры,
[И ими] ярко [украшались]
Гиреев ханские [пиры] (III, 129).

Но следует напомнить, что стихотворение было написано между 27 октября и 4 ноября 1828 г., когда Пушкин размышлял о стихотворении Катенина «Старая быль». И опять же следует напомнить, что в «Старой были» описывалось, как на брачном пиру князя Владимира и цареградской царевны Анны певец-грек пропел столь льстивую песнь князю, что русский певец решил лучше молчать: так льстить он не умел и не хотел. Это несостоявшееся соревнование двух певцов намекало на ложно понятую Катениным позицию Пушкина по отношению к Николаю I как позицию сервилиста. «Ответ Катенину» закончен, судя по помете на белой рукописи стихотворения, 10 ноября. «В прохладе сладостных фонтанов...» буквально предшествует ему, и здесь то же соревнование двух певцов, о первом из которых рассказано вдвое более пространно. Причём этот первый певец – восточный, но по-своему не менее «восточен» и певец, изображённый Катениным: он скопец и слог его живо напоминает те характеристики восточного слога, которые Пушкина дал, например, Т. Муру. Упоминания же Пушкиным Крыма и Бахчисарая можно объяснить, очевидно, той же «Старой былью», в которой говорится, что Владимир женился на цареградской княжне Анне после крещения в Херсоне – не так уже и далеко от Бахчисарая. Кроме того, в нижних слоях текста стихотворения дважды упоминаются «Цареградской краснобай» и «Цареградские ковры» как синонимы к словам *восточный* и *эриванский* (III, 677). Наконец, ещё один важный аргумент в пользу Катенина и «Старой были». Слово *гурья* Пушкин только один раз употребляет в своих текстах – именно в этом стихотворении. Но следует напомнить, что к 1828 г., накануне поездки в Тверскую губернию, Пушкин создал в альбоме А. П. Керн целый цикл стихотворных надписей, среди которых есть такая:

Когда, стройна и светлоока,
Передо мной стоит она...
Я мыслю: «в день Ильи-пророка

Она была разведена!» (III, 125)

В пушкинском тексте очень сложно обыгрывается одна строфа из стихотворения А. И. Подолинского «Портрет»: два первых стиха повторяются буквально, а два последних переиначиваются. У Подолинского было так:

Когда, стройна и светлоока,
Передо мной стоит она,
Я мыслю: гурия пророка
С небес на землю сведена!¹

Поскольку стихотворение Подолинского «Портрет» изображает русскую «красавицу» А. П. Керн, названную Подолинским гурией, постольку и «чудная сторона», о которой идёт речь в стихотворении «В прохладе сладостной фонтанов...» и которую населяют гурии, – это Россия. Если «В прохладе сладостной фонтанов...» прочитать как ответ на «Старую быль», то становится понятна и незавершённость стихотворения. Пушкин сначала задумал построить свой ответ на основе образов «Старой были», но потом нашёл иной путь – использовать образный строй «посылки» – сопроводительного стихотворения «А. С. Пушкину».

Однако посылка «Пушкину» сопровождала катенинское стихотворение «Старая быль». И если бы Пушкин просто ответил Катенину, не сопроводив свой ответ никакими аллегорическими намёками, он тоже не мог бы быть вполне доволен собой. Между тем, такой аллегорический намёк он всё же написал, и это было стихотворение «Анчар».

В «Старой были» восточный певец, описывая царское величие, особое внимание уделяет следующей детали:

Но милосердие царево
Изображающий символ,
Неувядающее древо
Склоняет ветви на престол;
Не рода древ обыкновенных,
Земными соками взрощенных,
Одетых грубою корой,
Блестящих временной красой,
Чей лист зелёный, цвет душистый
На краткий миг прельщает взор,
Доколь с главы многоветвистой
Зимы рука сорвёт убор.
Ввек древо царское одето

¹ Поэты 1820–1830-х годов / Биографич. справки, сост., подгот. текста и примечания В. С. Киселёва-Сергенина. Общая редакция Л. Я. Гинзбург. Л.: Советский писатель, 1972. Т. 2. С. 291 (Библиотека поэта. Большая серия).

Бессмертным цветом и плодом:
Ему весь год – весна и лето.
Белейшим снега серебром
Красуясь, стебель его высоко
Возносится, и над челом
Помазанника вдруг широко
Раскинувшись, пленяет око
И равенством ветвей прямых,
И блеском листьев золотых.
На сучьях серебряных древесных
Витает стадо птиц прелестных –
Зелёных, алых, голубых
И всех цветов, очам известных.
Из камней и драгих и честных,
О диво! Творческий резец
Умел создать их для забавы,
Великолепия и славы
Царя народов и сердец¹.

Искусственное дерево, которое изображает здесь Катенин, – это, в общем-то, весьма обычных аксессуар тронных залов. Так, при дворе багдадских калифов находилось искусственное дерево с искусственными же птицами. И у трона византийского царя Михаила (X в.) стояло также искусственное дерево с птицами². Этот сюжет отразился в известной сказке Г. Х. Андерсена «Соловей». Искусственное дерево такого типа – это некий аналог древа мирового. И оно недаром находится около трона, символизируя, таким образом, то, что государь есть центр мира (во всяком случае, данного мира).

Воспевая царя, катенинский певец далее говорит:

...Царь! ты скажешь слово –
И мёртвых жизнью даришь.
Невидимым прикосновеньем
Всеавгустейшего перста
Ты наполняешь сладким пеньем
Их вдруг отверстые уста;
И львы, рыкавшие дотолле,
Внезапно усмиряют гнев
И, кроткой покоряясь воле,

¹ Катенин П. А. Избранные произведения. С. 180–181.

² Веселовский А. Н. Разыскания в области русского духовного стиха // Сборник ОРЯС. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1881. Т. 28. С. 51–52, 55.

Смыкают свой несытый зев.
И подходящий в изумленьи
В царя зреть мыслит божество...¹

Едва ли следует вводить особенные и дополнительные аргументы для того, чтобы понять, что именно это описание и стало предметом полемики Пушкина в его «Анчаре». Как у катенинского певца искусственное дерево, осеняющее трон, находится в центре мира, так и анчар находится в центре вселенной:

В пустыне чахлой и скупой,
На почве, зноем раскаленной,
Анчар, как грозный часовой,
Стоит – один во всей вселенной.

Однако дерево это не благобно, оно символизирует не милосердие государя, а его жестокость и смертоносность. Катенин, намереваясь уколоть Пушкина, говорил о том, что Пушкин является наследником этого византийского певца. Пушкин же, отвечая Катенину в «Анчаре», показывает, что его оценка этого дерева совершенно иная:

Природа жаждущих степей
Его в день гнева породила,
И зелень мёртвую ветвей
И корни ядом напоила.

Яд каплет сквозь его кору,
К полудню растопясь от зною,
И застывает ввечеру
Густой прозрачною смолою.

К нему и птица не летит
И тигр нейдёт – лишь вихорь черный
На древо смерти набежит
И мчится прочь уже тлетворный.

И если туча оросит,
Блуждая, лист его дремучий,
С его ветвей уж ядовит
Стекает дождь в песок горючий.

Но человека человек
Послал к анчару властным взглядом,
И тот послушно в путь потек
И к утру возвратился с ядом.

¹ Катенин П. А. Избранные произведения. С. 181.

Принёс он смертную смолу
Да ветвь с увядшими листьями,
И пот по бледному челу
Струился хладными ручьями;

Принёс – и ослабел и лёг
Под сводом шалаша на лыки,
И умер бедный раб у ног
Непобедимого владыки.

А князь тем ядом напитал
Свои послушливые стрелы,
И с ними гибель разослал
К соседям в чуждые пределы.

Катенинский певец утверждал, что царь «мертвых жизнью дарит». Пушкин же пишет, что по воле царя, во-первых, погибает «бедный раб», а во-вторых, царь рассылает гибель и за пределы своего мира-государства.

4

Профессиональный читатель мог давно уже заметить, что на связь стихотворения Пушкина «Анчар» со «Старой былью» Катенина указал уже В. В. Виноградов¹, а впоследствии эту мысль дополнительно развил и аргументировал Д. Д. Благой². В настоящее время исследователи Пушкина не поддерживают аргументацию Д. Д. Благого. Это вызвано, видимо, в принципе критическим отношением к личности и – как следствие – к наследию этого учёного, хотя такой подход в принципе не верен: что делать, человек может быть весьма плох, но весьма талантлив. И доказывать обратное – означает присоединиться к политической тактике того же Благого, что позицию так резко не принимают.

Именно поэтому мы специально не ссылались в соответствующих местах своей работы ни на В. В. Виноградова, ни на Д. Д. Благого. Мы стремились избежать ненужных ассоциаций и пытались не достаточно сомнительным (для многих коллег) авторитетом учёных прошлых лет, но логикой самого своего построения аргументировать мысль, ко-

¹ Виноградов В. В. О стиле Пушкина // Литературное наследство. М.: Журнально-газетное объединение, 1934. Т. 16–18. С. 143–148; Он же. Стиль Пушкина. М.: Гослитиздат, 1941. С. 422–426.

² Благой Д. Д. «Анчар» Пушкина // Академику Виктору Владимировичу Виноградову к его шестидесятилетию: Сборник статей. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 94–116; Он же. Творческий путь Пушкина (1826–1830). С. 180–202.

торая в известной мере близка уже высказанной. Насколько это удалось, судить автор настоящей работы не должен. Тем не менее, хотелось бы надеяться, что представление о единстве творческой личности, которое проявляется в каждом творческом акте, в каждом сочинении, должно, наконец, стать общим местом гуманитарной мысли. Дело в том, что не только Пушкин, но и любой другой писатель (художник, музыкант, и т. д.) мыслит в определённые периоды своей жизни о разных предметах, но все эти мысли группируются в его сознании вокруг неких наиболее значительных в этот момент для него центров. Если бы мы могли выявить эти центры, мы бы приблизились к пониманию логики творчества писателя, и тогда многие недостающие звенья встали бы на своё место, не датированные стихотворения получили бы датировку (конечно, гипотетическую, но уже более аргументированную), а датированные стихотворения, будучи связаны друг с другом, получили бы иной смысл.

Мы уже сказали, что стихотворения «Анчар», «Ответ Катенину» и «В прохладе сладостной фонтанов...» связаны друг с другом. В них в той или иной степени варьируют ответ Катенину на его посылку, сопровождавшую «Старую быль», и на полупрозрачные и оттого ещё более оскорбительные (так как их можно было толковать достаточно произвольно) намёки в самой «Старой были». В таком истолковании политические коннотации полемики Пушкина с Катениным выдвигались на передний план и даже заслоняли собой все остальные оттенки смысла. Активно политизированное истолкование «Анчара» в работе Д. Д. Благого могло оттолкнуть любого менее политизированного учёного и спровоцировать отрицание самой этой работы.

Думается, что если бы мы учли другие тексты, написанные той же осенью 1828 г. в Малинниках, мы увидели бы иной, менее политизированный поворот в решении темы. Это, во-первых, стихотворение «Поэт и толпа», имеющее эпиграф «Procul este, profani». Этот эпиграф – цитата из «Энеиды» Вергилия, едва ли не самая знаменитая цитата из этого латинского поэта у Пушкина: прочь, непосвящённые. Это слова жрицы Сивиллы: «Procul o, procul este, profani» (lib. VI, 258)¹. Кого же гонит прочь Поэт в этом стихотворении?

Поэт по лире вдохновенной
 Рукой рассеянной бряцал.
 Он пел – а хладный и надменный
 Кругом народ непосвященный

¹ Строганов М. В. Вергилий // Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Материалы к энциклопедии: В 2 ч. Тверь: Золотая буква, 2002. Ч. 1. С. 62–67; Он же. Вергилий // Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Материалы к энциклопедии. 2-е изд., испр. и доп. Тверь: Золотая буква, 2003. С. 80–81.

Ему бессмысленно внимал.

И толковала чернь тупая:
«Зачем так звучно он поёт?
Напрасно ухо поражая,
К какой он цели нас ведёт?
О чём бренчит? чему нас учит?
Зачем сердца волнует, мучит,
Как своенравный чародей?
Как ветер песнь его свободна,
Зато как ветер и бесплодна:
Какая польза нам от ней?»

Поэт

Молчи, бессмысленный народ.
Подёнщик, раб нужды, забот!
Несносен мне твой ропот дерзкой,
Ты червь земли, не сын небес;
Тебе бы пользы всё – на вес
Кумир ты ценишь Бельведерской.
Ты пользы, пользы в нём не зришь.
Но мрамор сей ведь бог!... так что же?
Печной горшок тебе дороже:
Ты пищу в нём себе варишь.

Чернь

Нет, если ты небес избранник,
Свой дар, божественный посланник,
Во благо нам употребляй:
Сердца собратьев исправляй.
Мы малодушны, мы коварны,
Бесстыдны, злы, неблагодарны;
Мы сердцем хладные скопцы,
Клеветники, рабы, глупцы;
Гнездятся клубом в нас пороки.
Ты можешь, ближнего любя,
Давать нам смелые уроки,
А мы послушаем тебя.

Поэт

Подите прочь – какое дело

Поэту мирному до вас!
В разврате каменейте смело,
Не оживит вас лиры глас!
Душе противны вы как гробы.
Для вашей глупости и злобы
Имели вы до сей поры
Бичи, темницы, топоры; –
Довольно с вас, рабов безумных!
Во градах ваших с улиц шумных
Сметают сор, – полезный труд!
Но, позабыв своё служенье,
Алтарь и жертвоприношенье,
Жрецы ль у вас метлу берут?
Не для житейского волненья,
Не для корысти, не для битв,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв (III, 141).

В контексте нашего предыдущего рассуждения нет уже никакого сомнения в том, что Поэт отрицает утилитарное отношение к поэтическому творчеству, то отношение, которое насаждал Катенин и мерками которого он измерял значение творчества Пушкина. Если русский певец отказывается воспевать подвиги князя, он для Катенина заведомо хорош, а если поэт-эллин воспеваает добродетели князя, то он заведомо плох (поэтическая ценность этих песен при этом не учитывается). Катенин, как писал Пушкин о нём в другом месте и по другому поводу, охраняет позиции нормативного отношения к жизни и творчеству. Пушкин, напротив, стремится преодолеть нормативность и жизненного, и поэтического поведения¹. Поэт не должен учить, наставлять, «цель поэзии – поэзия». Политическая составляющая этого «ответа Катенину» очевидна, но она отступает на второй план перед утверждением не частных, политических, но общих, человеческих интересов.

А на фоне стихотворения «Поэт и толпа» становится понятно и другое стихотворение старицкой осени 1828 г. «Ответ А. И. Готовцевой», написанное буквально 26 ноября; мы можем судить об этом потому, что его автограф в письме к Дельвигу от этого числа содержит большое число исправлений (особенно во второй части стихотворения). Готовцева, как известно, написала стихи, названные «А. С. Пушкину»:

О Пушкин, слава наших дней,

¹ См. об этом: Строганов М. В. Певец – пророк – эхо (Из наблюдений над текстами Пушкина) // Русская словесность. 1995. № 5. С. 10–16.

Поэт, любимый небесами!
Ты век наш на заре своей
Украсил дивными цветами:
Кто выразит тебя сильнее
Природы блеск и сердца радость,
Тоску души и пыл страстей?
Кто не дивится вдохновеньям,
Игривой юности мечтам,
Свободных мыслей выраженьям,
Которые ты предал нам?
В неподражаемой картине
Ты нам Кавказ изобразил,
И деву гор, и плен в чужбине,
Черкесов жизнь в родной долине
Волшебной кистью оживил.
Дворец и сад Бахчисарая,
Фонт любви, грузинки месть,
Из края в край, не умолкая,
Гласят поэту славы весть.
Одно... Но где же совершенство?
В луне и солнце пятна есть!
.....
.....
Не справедлив твой приговор, –
Но порицать тебя не смеем:
Мы гению простить умеем:
Молчанье выразит укор¹.

Не ответить на стихи дамы, присланные ему через третье лицо и предназначенные к публикации в «Северных цветах», альманахе писателей пушкинского круга, – не ответить на эти стихи Пушкин не мог и долго мучился этим стихотворением. Он злился: пускай Катенин (ответ ему Пушкин выслал Дельвигу в предыдущем письме, которое датируется условно – серединой ноября 1828 г.) требует от поэзии утилитарного решения вопросов, лежащих вне этого утилитарного решения. Но в чём упрекает его Готовцева? Ответить ей: «Procul este, profani» – Пушкин, разумеется, не мог: это было б неучтиво. Признать за собой какие-то

¹ Впервые: Северная пчела. 1829. 15 января; Готовцова А. А. С. П. // Северные цветы на 1829 год. СПб., 1828. С. 180–181. Цензурное разрешение 27 декабря 1828 г. (вместе с ответным стихотворением Пушкина); Русские поэтессы XIX века. М.: Советская Россия, 1979. С. 78. О А. И. Готовцевой и её отношениях с Пушкиным см.: Файнштейн М. Ш. Писательницы пушкинской поры: Историко-литературные очерки. Л.: Наука, 1989. С. 142–146.

прегрешения как за поэтом он тем более не хотел: своей репутацией поэта (общественного лица) Пушкин дорожил более всего. Признать за Готовцевой (как и за любым другим человеком) право судить его человеческие слабости он тоже не считал возможным. И он выплил свою злость в письме к Дельвигу: «Вот тебе ответ Готовцевой (чорт её побери), как ты находишь *ses petits vers froids et coulants* <эти холодные и гладенькие стишки – *франц.*>. Что-то написал ей мой Вяземский? а от меня ей мало барыша. Да в чём она меня и впрям упрекает – ? в неучтивостях ли противу прекрасного полу, или в похабностях, или [уж] в беспорядочном поведении? Господь её знает» (XIV, 35).

Так и появились эти стихи:
И недоверчиво и жадно
Смотрю я на твои цветы.
Кто, строгий стоик, примет хладно
Привет харит и красоты?
Горжуся им – но и робею;
Твой недосказанный упрёк
Я разгадать вполне не смею.
Твой гнев ужели я навлѣк?
О сколько б мук себе готовил
Красавиц ветренный зоил,
Когда б предательски злословил
Сей пол, которому служил!
Любви безумством и волненьем
Наказан был бы он; а ты
Была всегда б опроверженьем
Его печальной клеветы (III, 136).

* * *

На этом можно было бы закончить. Следовало бы только сказать, что в эту логику не укладывается пока только одно стихотворение старицкой осени 1828 г. – стихотворение «Цветок», а также несколько набросков, имеющих на самом деле локальный и случайный характер: «Брадатый староста Андрей...», «За Netty сердцем я летаю...» и «Как быстро в поле, вокруг открытом...». Но именно эти стихи, не попадающие в цикл «ответов Катенину», подчёркивают единство катенинского «цикла» и показывают, что в октябре и ноябре 1828 г. Пушкин только и думал о том, как бы ответить Катенину. С этой мыслью он уехал из Петербурга, с этой мыслью он жил в Старицком уезде, откуда и уехал, только тогда, когда вконец рассчитался с Катениным.

ВЕСТНИК

ТВЕРСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал

Основан в 2003 г.

№ 4, 2010

Зарегистрирован в Верхне-Волжском региональном территориальном управлении МПТР РФ ПИ № 5-0914 от 31.05.2004 г.

Серия «Филология»

Выпуск 2

2010

Учредитель

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Редакционный совет:

А.В. Белоцерковский (*председатель*), Е.Н. Брызгалова,
В.А. Городецкий, Б.Л. Губман, А.А. Залевская,
Г.К. Лапушинская, И.Д. Лельчицкий, Т.Г. Леонтьева,
Е.А. Лурье, Л.Е. Мошкова, Ю.Г. Папулов, Б.Б. Педько,
А.Я. Рыжов, Г.А. Толстихина (*зам. председателя*),
Л.В. Туварджиев, Л.В. Туманова, Е.Р. Хохлова, А.В. Язенин

Редакционная коллегия серии

М. Л. Логунов (декан филологического факультета),
Е. Н. Брызгалова (д-р филол. наук, профессор),
М. В. Строганов (д-р филол. наук, профессор, *отв. редактор*),
А. А. Романов (д-р филол. наук, профессор), В. В. Волков (д-р филол.
наук, профессор), В. А. Миловидов (д-р филол. наук, профессор),
В. А. Редькин (д-р филол. наук, профессор), И. В. Гладилина (канд.
филол. наук, доцент, *отв. редактор*),
А. М. Бойников (канд. филол. наук, доцент, *технический редактор*)

Адрес редакции:

Россия, 170100, Тверь, ул. Желябова, 33.
Тел. РИУ: (4822) 35-60-63

*Все права защищены. Никакая часть этого издания не может быть
репродуцирована без письменного разрешения издателя.*

© Тверской государственный
университет, 2010